

цанию и видению мира противопоставлялась христианская концепция мироздания, покоящаяся на библейских представлениях о божестве, вселенной и человеке⁴.

Теократизация мышления в свою очередь вызвала исключительный интерес общества к истории церкви, складыванию церковной догмы в обстановке церковно-догматических споров, а также к внешним событиям жизни церковной иерархии и духовенства. При этом церковная история отделяется от светской, освещение церковных событий — описание деятельности церковных соборов, подвижничества защитников христианства, догматических споров с язычниками и еретиками — становится главной задачей повествования. История церкви отнюдь не вливается как составная часть в гражданскую историю, а наоборот, факты из светской жизни Византийской империи вкрапливаются в общее изложение церковной истории, которая во многом приобретает самодовлеющий характер⁵. Отвергая языческую идеологию, церковные историки стремятся (с разной степенью успеха) отринуть и светские жанры античной историографии и свести к минимуму освещение событий светского характера.

Коренной перелом в развитии исторических представлений произошел в IV в. и завершился победой новой историко-философской концепции в VI—VII вв.⁶ И хотя попытки дать истолкование истории в христианском духе появляются в первые три века нашей эры⁷, собственно христианская историография начинает складываться именно в IV в. Это касается и сочинений церковных историков, и агиографии, и христианской биографической литературы⁸. Западная историография наших дней высоко оценивает труды церковных историков ранней Византии. Так, А. Момильяно полагает, что их нововведения являются наиболее важным вкладом в историографию после V и до XVI в.⁹ Значительно более критически относится к сочинениям церковных историков восточно-германский ученый Ф. Винкельман. Он подчеркивает распыленность и непоследовательность теолого-философских взглядов церковных историков, известную ограниченность их знаний, особенно о политической и идейной жизни современного им общества, слабость их метода, снижение уровня литературного изложения по сравнению с античной историографией¹⁰.

И тем не менее в истории развития исторических знаний церковным историкам ранней Византии принадлежит свое, особое место.

Обращаясь к анализу церковной историографии раннего времени, хочется прежде всего подчеркнуть ее идейную пестроту и этническую неоднородность. Хотя подавляющее большинство сочинений церковных историков IV—VI вв. было написано на греческом языке, их авторы зачастую были теснейшим образом связаны с восточной, особенно сирийской и александрийской, философско-религиозной традицией¹¹.

Из произведений церковных историков полностью сравнительно хорошо сохранились лишь немногие труды Евсевия Кесарийского, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского и Евагрия Схоластика; сочинения Филосторгия, Захария Ритора, Иоанна Эфесского и других авторов дошли до нас лишь во фрагментах.

Отличительной особенностью всей церковной историографии является прежде всего предмет изучения. Это христианская церковь как особый религиозный, общественный и исторический феномен¹². Поставив в центре повествования христианскую церковь, церковные историки неизбежно должны были обратиться прежде всего к апологетическому освещению истории христианства как религиозной системы, а затем уже к описанию создания, укрепления и развития церковной организации. История церкви дается ими, естественно, в ее отношениях к окружающему миру — сперва в борьбе с язычеством и языческим государством, затем в отношениях с христианскими императорами и христианской империей. Обращаясь же к внутренней истории христианства и христианской церкви, церковные историки сталкиваются с необычайно пестрой картиной идейной борьбы